

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-246-257>
<https://elibrary.ru/RIBGUP>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Знакомый хлебниковед в Киеве». К 85-летию А.Е. Парниса

© 2023, А.В. Лавров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Заметка приурочена к юбилею Александра Ефимовича Парниса, к рупнейшего исследователя творчества Велимира Хлебникова, русского футуризма и русской литературы начала XX в. в целом. Обозначены основные вехи творческого пути ученого, оценены его наиболее значительные труды и показано их значение для современной историко-литературной науки. В тексте содержатся личные воспоминания автора, много лет дружески общавшегося с А.Е. Парнисом. Его труд — это не только одоление сопротивляющегося материала, который становится благодаря его усилиям из скрытого явным, из неведомого познанным, но и в известной мере преодоление самого себя. В заметке высказывается пожелание юбиляру завершить свой главный труд — научную биографию Велимира Хлебникова, главы из которой уже начинают доходить до читателя.

Ключевые слова: А.Е. Парнис, Велимир Хлебников, кубофутуризм, русский авангард, источниковедение.

Информация об авторе: Александр Васильевич Лавров — академик РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом новой русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com

Для цитирования: Лавров А.В. «Знакомый хлебниковед в Киеве». К 85-летию А.Е. Парниса // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 246–257. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-246-257>

Под описательным определением «знакомый хлебниковед в Киеве» из письма Владимира Федоровича Маркова, профессора русской литературы Калифорнийского университета, автора ныне классической «Истории русского футуризма» (1968), к Дмитрию Ивановичу Чижевскому, патриарху славяноведения, культурологу и филологу, представителю первой волны русской эмиграции, в мае 1970 г. фигурировал 32-летний киевлянин Александр Ефимович Парнис, к тому времени еще не удостоившийся диплома о высшем филологическом образовании [3, с. 220–221]. Он же в других письмах Маркова к Чижевскому — «хлебниковист», «корреспондент-хлебниковед», «мой знакомый из России»: представитель второй волны эмиграции, видимо, прочно усвоил конспирологические навыки, привитые ему десятилетиями жизни в советской стране. Примечательно при этом, что не «корреспондент-хлебниковед» в данном случае явился инициатором переписки с Марковым, а сам маститый ученый: 6 декабря 1967 г. он обратился с письмом к Александру Ефимовичу, сославшись на то, что получил его адрес от жившего в Нью-Йорке Самуила Вермеля, поэта и театрального режиссера эпохи русского авангарда [3, с. 237]. Все это — факты, свидетельствующие о том, что автор нескольких скромных публикаций (наиболее значительная из них к тому времени — «Хлебников в революционном Гиляне (новые материалы)», напечатанная в № 5 журнала «Народы Азии и Африки» за 1967 г. [9]) достиг в сознании крупных филологов-специалистов «степеней известных» — если подразумевать под этой формулой профессиональную репутацию, а не место в служебной иерархии.

Сам А.Е. Парнис признается, что первичным стимулом к жизненному самоопределению для него послужил сборник стихотворений и поэм Велимира Хлебникова под редакцией Н.Л. Степанова, изданный в 1960 г. в малой серии «Библиотеки поэта». В 2008 г. в беседе с И.Н. Толстым он сообщает: «Первое мое впечатление от текстов Хлебникова было шокирующим — я ничего в них не понял, и это меня безумно смущало и раздражало. Я решил, что нужно профессионально заняться изучением поэзии, чтобы разобраться во всем этом» [1, с. 16–17]. И путь к освоению «страны поэта» он выбрал достаточно специфический: «Чтобы разобраться в хлебниковских текстах 1910 – начала 1920-х гг., надо было найти ключи или “подступы” к главе будетлян, к его герметичной поэзии, и я решил разыскать людей, которые знали поэта, хотя прошло более сорока лет после его смерти» [1, с. 85]. Иными словами — не с микроскопом в глубь стихов, а от биографии, от внешнего фона — к стихам.

Таким образом, А. Парнисом избран определенный путь и определенный метод — поисковика, собеседника-интервьюера, метод «старателя» — в тех смыслах, которыми наделяется это слово у В.И. Даля: «усердник, рачитель, прилежатель, заботник, ревнитель, попечитель»¹. Разумеется, в кругу его знакомцев оказываются самые яркие представители авангардной эпохи: А.Е. Крученых, Л.Ю. Брик, В.Б. Шкловский, Г.Н. Петников и др. То, что «отец русского футуризма» Давид Бурлюк и Р.О. Якобсон проживают в США, а Юрий Анненков — в Париже, не беда — А. Парнис вступает с ними в переписку. В эпицентре его внимания — Хлебников в его литературном окружении и биографических контактах, и эта глобальная задача побуждает его предпринять широчайший спектр разысканий. Через жившую в Москве дочь К.Д. Бальмонта Нину Константиновну Бруни он узнает парижский адрес Бориса Константиновича Зайцева, эпизодически общавшегося с Хлебниковым, и тот в ответном письме дает колоритную мемуарную зарисовку (см.: [4, с. 251]). Но не только живые классики русской литературы оказываются среди корреспондентов или собеседников пытливого «хлебниковиста», объектом его поисков в основном являются лица малоизвестные или вовсе неизвестные, но так или иначе соприкоснувшиеся с Хлебниковым. Многих ему удалось разыскать, а некоторых — даже побудить к написанию мемуаров, которые теперь доведены до печати.

Часто применительно к архивным публикациям их авторы, стремясь подчеркнуть значимость предлагаемого материала, употребляют выражения вроде «удалось найти», «в архивном фонде обнаружено», «уникальная находка» и т. п. — применительно к документам, хранящимся в доступных архивохранилищах десятилетиями, прошедшим первичную архивную обработку и даже ранее востребованным другими исследователями. А. Парнис принадлежит к тем немногочисленным «старателям», кому действительно удавалось найти материалы, которые ни в чье поле зрения ранее не попадали и, возможно, в определенных случаях были обречены на забвение и уничтожение. Сам он признает в беседе с И.Н. Толстым, что у него появилось «какое-то профессиональное чутье к поискам текстов, неизвестных текстов моих “героев”» [1, с. 18]. Самый яркий пример его находок подобного рода — обнаружение в 1966 г. в бакинском подвале архива Р.П. Абиха с рукописями Хлебникова. Заслуга Парниса — в установлении подлинного места рождения Хлебникова: зимняя ставка Малодербетовского улуса Астраханской губернии.

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. Т. 4: Р–V. С. 323.

Им же еще в конце 1960-х гг. была предпринята попытка сохранения памятных построек в деревне Санталово Крестецкого уезда Новгородской губернии, где жил свои последние дни и умер Хлебников. О конвульсиях, которыми сопровождалось прохождение этой идеи (спасения пустующей школы и полуразрушенной баньки) по «инстанциям», рассказывает сам «старатель»:

Я поехал в Новгород и выступил перед студентами-филологами пединститута, а также выступил в местных отделениях Союза писателей и Союза художников, уговорил нескольких художников и поэтов поехать со мной в Санталово и на месте все посмотреть. После посещения Санталова у нас возникла идея устроить в школе летнюю творческую дачу для художников. В Москве я пробился на прием к президенту Академии художеств скульптору Н.В. Томскому. Он родился на Новгородской земле, в Старой Руссе <...> Томский охотно поддержал мою идею и обещал помочь. Я ездил также в Пушкинские Горы к С.С. Гейченко, который обещал мне свою помощь <...> Сразу же после этой поездки в Санталово я напечатал (вместе с А. Заваровой) в «Учительской газете» статью «Сберечь дом поэта» (29 июня 1967). Ей предшествовала небольшая заметка в поддержку поднятого в статье вопроса, подписанная издателем Собрания сочинений Хлебникова Н.Л. Степановым, народным артистом СССР Г. Рошалем [1, с. 95–96].

Однако все старания по спасению мемориальных строений пошли прахом, и теперь не только они стерты с лица земли, но нет и самой деревни Санталово, обезлюдевшей и заброшенной.

Безразличие «инстанций» к попыткам одинокого энтузиаста увековечить память о Хлебникове вполне объяснимо: этот поэт всецело принадлежал к авангардистам — «формалистам», припечатанным в свое время статьей «Сумбур вместо музыки» на долгие десятилетия. И хотя Хлебников устремлялся вместе с красноармейским обозом провозглашать Персидскую советскую республику, а Бунин, например, выражал открыто и безапелляционно свою ненависть к советской власти, для последней этот писатель-«реалист» был более приемлем, чем галлюцинирующий Председатель Земного Шара. Вплоть до наступления «перестроечных» лет изучение Хлебникова в СССР не поощрялось, статьи о нем и публикации были наперечет, литературоведческую карьеру на нем построить было невозможно. Закономерно при этом, что его наиболее пристальным и преданным избранному делу исследователем стал не ищущий официальных

регалий полудеклассированный интеллигент, состоявший к тому же в непростых взаимоотношениях с советским правопорядком (будучи полуфиктивным личным секретарем писателя-правозащитника Виктора Некрасова, А. Парнис в 1974 г. вслед за своим «работодателем» подвергся обыску, в результате которого были похищены и уничтожены многие материалы из собранного архива). Не удивительно в силу всех этих обстоятельств, что, получив уже широкую известность как компетентнейший знаток Хлебникова и русского футуризма, простиравшуюся за пределы страны, А. Парнис выступал в печати в 1960–1970-е гг. лишь от случая к случаю, не имея возможности обнародовать самые значительные результаты своей изыскательской деятельности.

Мне и моему другу и соавтору тех лет Сергею Гречишкину довелось познакомиться с Сашей Парнисом в начале 1970-х гг., благодаря посредничеству наших общих с ним друзей, Г. Суперфина и Л. Черткова. Нас, уже имевших определенный опыт архивных изысканий (на них были основаны наши дипломные работы в Ленинградском университете и первые публикации), в новообетенном собеседнике поразили более всего многосторонность и разнообразие его профессиональных интересов, а также широчайший спектр связанных с этими интересами знакомых и всевозможных «информантов». Не меньше, чем материалы, хранящиеся в государственных архивохранилищах, его привлекали потенциальные возможности обнаружения искомого, нового и неожиданного, рассредоточенного по личным коллекциям или просто случайно уцелевшего у родственников и потомков, у людей, известных в культурной среде или совершенно никому не ведомых, но прикосновенных к тому или иному значимому лицу или явлению. Понятно было, что то, чем мы уже с достаточным упорством занимались, — освоение государственных архивов по описям фондов и алфавитным каталогам, — лишь верхняя часть воображаемого айсберга, в подводные пространства которого проникает наш хлебниковед. Что касается Хлебникова, то для А. Парниса его фигура неизменно оставалась средоточием всех изысканий, поглощенность им приобретала тотальный характер, вплоть до достаточно комических эпизодов. Помнится, когда А. Парнис останавливался в нашей с женой квартире на Петроградской стороне, он все собирался, да никак не мог выбраться в расположенный неподалеку зоопарк. Наконец, мы поинтересовались, чем вызвана такая не по возрасту упорная устремленность. Оказалось, что наш гость, памятуя о слоновьем долголетии, захотел посмотреть на слона, который отобразился в знаменитом «Зверинце» Хлебникова

(«Где слоны, кривляясь, как кривляются во время землетрясения горы, просят у ребенка поесть...»). И успокоился, узнав от нас, что слониха, обитательница зоопарка, созерцавшаяся Хлебниковым, погибла в блокаду от артиллерийского обстрела.

В середине 1970-х гг. мне удалось содействовать публикации первой большой работы А. Парниса в академическом издании, подготовленной в соответствии со всеми филологическими нормативами. Тогда он сумел убедительно атрибутировать Хлебникову рассказ «Закаленное сердце (из черногорской жизни)», опубликованный под псевдонимом «В-кій» в 1913 г. в петербургской газете «Славянин». Эту работу, содержащую веские аргументы в пользу авторства Хлебникова, я представил на суд академика М.П. Алексеева (чьим референтом я тогда состоял), и он одобрил ее к печати; статья «Южнославянская тема Велимира Хлебникова: новые материалы к творческой биографии поэта», включающая текст рассказа и комментарий, увидела свет в пушкинодомском сборнике «Зарубежные славяне и русская культура» в 1978 г. [5].

К тому времени многие филологи-специалисты сумели оценить по достоинству широту познаний и творческие возможности А.Е. Парниса и стали привлекать его к работе над профессионально готовившимися изданиями, уже не имеющими отношения к Хлебникову и другим «будетлянам». Первым в этом ряду следует назвать Илью Самойловича Зильберштейна, взявшегося за подготовку в серии «Литературное наследство» монументального издания «Александр Блок. Новые материалы и исследования» в пяти книгах. На долю Парниса выпал едва ли не самый трудоемкий раздел в этом издании — публикация (с привлечением к комментированию и других авторов) «Дарственных надписей Блока на книгах и фотографиях», появившихся в книге 3-ей в 1982 г. [2]. И.С. Зильберштейн отдал должное особому дару научного поиска, которым наделен Парнис, и не ошибся, доверив ему указанный раздел. Основу его составили надписи Блока, разысканные на протяжении долгих лет Н.П. Ильиным, собирателем автографов, книг, фотографий и прочих материалов, имеющих отношение к жизни и творчеству поэта; таковых в его собрании было около 200. Парнис за два–три года своей работы над подготовкой этого раздела фактически удвоил корпус инскриптов: общее число было доведено до 397, из них 191 автограф опубликовался в «Литературном наследстве» впервые. Обследованы были фонды многих библиотек и научных учреждений, а также собрания коллекционеров, получены сведения из личных библиотек. Конечно, дать исчерпывающе полный свод инскриптов в данном случае не

удалось, да и не было такой возможности: не каждый из библиоманов готов оповещать о хранящихся у него раритетах. Надписи Блока на его книгах после обнаружения парнисовского свода появлялись в печати и будут еще появляться, но это обстоятельство, конечно, не может умалить значения проделанного труда.

После указанной публикации в 1985 г. вышло в свет не менее значимое издание, хотя роль А.Е. Парниса в его подготовке была обозначена более чем скромно, — 5-е, дополненное издание книги В. Катаняна «Маяковский: Хроника жизни и деятельности» [6]. Широко известная и многократно переиздававшаяся хроника Катаняна в новом издании под редакцией Парниса значительно расширила свой объем, ввела новонайденную информацию на основе разысканий последних десятилетий и собственных дополнений, написанных редактором. В том же году увидела свет еще одна хроника — «Программы “Бродячей собаки”» (см.: [10]), — выполненная в соавторстве с Р.Д. Тименчиком. Эта работа, напечатанная в ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия», представляет собою реконструкцию всей деятельности, от собрания к собранию, знаменитого петербургского литературно-артистического кабаре — по отражению ее в периодике, документальных свидетельствах, переписке современников, мемуарах, а также в подборке биографических сведений об учредителях и участниках этого коллективного действия. В последующие десятилетия «Программы “Бродячей собаки”» — одна из самых востребованных, наиболее часто цитируемых фундаментальных работ о литературно-художественной жизни начала XX в. И, наконец, в 1986 г. появились «Творения» Велимира Хлебникова [11]; составление и текстологическую подготовку осуществил, а также написал комментарии А.Е. Парнис совместно с В.П. Григорьевым. Этот фолиант, заключавший в себе наиболее значительные образцы творчества поэта во всех использованных им жанрах, был наиболее полным и тщательно исполненным изданием Хлебникова после пятитомного «Собрания произведений»², осуществленного в 1928–1933 гг. под редакцией Ю.Н. Тынянова и Н.Л. Степанова, и «Неизданных произведений»³ (1940), выпущенных в свет Н.И. Харджиевым и Т.С. Грицем. За этими изданиями последовали

² *Хлебников В.* Собрание произведений Велимира Хлебникова: в 5 т. / под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928–1933. Т. 1: Поэмы. 331 с.; Т. 2: Творения. 328 с.; Т. 3: Стихотворения: 1917–1922. 392 с.; Т. 4: Проза. 345 с.; Т. 5: Стихи, проза, статьи, записная книжка, письма, дневник. 379 с.

³ *Хлебников В.* Неизданные произведения / ред. и коммент. Н. Харджиева, Т. Грица. М.: Худож. лит., 1940. 490 с.

«Работы по поэтике» Р. Якобсона (1987) [12], том Бенедикта Лившица под заглавием «Полутораглазый стрелец» (1989) [7] — первое выполненное в соответствии с научными критериями издание его сочинений, наконец, огромный том статей и исследований различных авторов «Мир Велимира Хлебникова» (2000) [8] под общей редакцией А.Е. Парниса; усилия по формированию, подготовке и изданию этой книги отняли у него несколько самых плодотворных лет жизни. Эти усилия имели не только позитивный характер; немало их было уделено преодолению всевозможных противодействий, которые сопровождали долгий путь сборника к читателю. И здесь уместно вкратце обрисовать фон, на котором воплощались все эти — и многие другие — начинания, из которых складывалась творческая биография А. Парниса.

Проводить, проживая постоянно в Киеве, профессиональную изыскательскую и исследовательскую работу, вдали от больших центральных библиотек и архивов, было невозможно, и А. Парнис перебрался в Москву, где у него долгое время не было собственного обиталища. Приходилось скитаться с места на место, ютиться по чужим квартирам. Мне хорошо памятен этот быт — точнее, скудная, безбытная жизнь, иногда дополнявшаяся почти сюрреалистическими эффектами (например, какое-то время он жил в коммунальной квартире, в комнате, узкой, как пенал, заполненной множеством сломанных холодильников). Около трех недель мне довелось погостить у него на северной окраине Москвы в квартире Игоря Губермана, освободившейся из-за вынужденного отсутствия хозяина (пребывавшего на поселении после лагерной отсидки); поскольку это пристанище удавалось использовать «всерьез и надолго», Парнис переместил туда значительную часть своей библиотеки: более чем скромные апартаменты были заняты книгами на девять десятых жизненного пространства, включая столы, стулья и кровати; узкий диванчик, на котором я спал, в дневные часы заполнялся книгами, потребными хозяину для текущей работы, и освобождался перед отходом ко сну. В то довольно продолжительное пребывание в гостях у Парниса я смог ознакомиться со многими раритетами, хранившимися в его библиотеке, — редчайшими изданиями эпохи авангарда, стекавшимися к нему еще с той поры, когда они не были объектами жгучего массового интереса и не фиксировались с приложением астрономических сумм в каталогах международных аукционов. (Некоторое представление о коллекции Парниса можно составить по большому блоку иллюстраций, помещенных в приуроченном к его предыдущему юбилею сборнике «Авангард и остальное» [1].) Впрочем, когда

его скитальческая жизнь закончилась, и он водворился в собственной однокомнатной квартире, новое жилище быстро приобрело прежний хаотический и перенаселенный (книгами) облик: столы и кровати не использовались по своему назначению, на полу между рядами книг были проложены узкие проходы, подобно окопным траншеям, а наша вечерняя трапеза свершалась на трех табуретках: две — для сидения, третья выполняла функцию стола с яствами и напитками.

Трагикомический быт, в тисках которого в былые годы вершились труды и дни нашего «старателя», усугублялся внешними жизненными условиями — нелепыми бюрократическими правилами, ультимативными требованиями, в том числе личными капризами и мелкими каверзами, которые исходили из редакций издательств, газет, журналов, а порой и от коллег и разных «вышестоящих» лиц. В частности, не сложились у Парниса толерантные отношения с Н.И. Харджиевым, присяжным исследователем Хлебникова, который мыслил себя монополистом по этому автору и ревниво относился к другим попыткам внедриться в его епархию. В нормальных условиях между коллегами, занятыми общим делом, возникли бы содружество и взаимопомощь, в данном же случае развилось многолетнее скрытое и явное противостояние; мне хорошо известно, насколько остро и болезненно А. Парнис воспринимал эту ситуацию. Сыграла свою негативную роль и тяжелая личная драма, пережитая им в начале 1990-х гг. В жизни едва ли не каждого человека перемежаются свет и тени, но в жизни Парниса теневые стороны значительно преобладают над светлыми — по крайней мере, в его собственном восприятии. Учитывая все эти обстоятельства, усугубленные определенными психологическими особенностями личности, нельзя не удивляться тому, что, несмотря ни на что, Александр Парнис смог с впечатляющей полнотой и яркостью осуществить дело своей жизни. Его труд — это не только одоление сопротивляющегося материала, становящегося благодаря его усилиям из скрытого явным, из неведомого познанным, но и в известной мере преодоление самого себя.

В последнее время А. Парнис, осознавая, что пришла пора подведения профессиональных итогов, задумывался над тем, что подоспело время побороться за получение ученой степени или высокого звания, и не раз обсуждал со мною, по случайности уже увенчанным на разные лады, такую перспективу. Я уверял своего друга, что к его имени в настоящее время никакие приставки ничего не прибавят, что две с половиной сотни изданных им первоклассных работ, ставших значимой вехой в освоении громадной историко-ли-

тературной эпохи, не имеющих ничего общего с методологическим сухим сеном или с обобщением и переосмыслением многократно обобщенного и переосмысленного, ни в каком дополнительном знаковом вознаграждении не нуждаются. И приводил, как самый веский аргумент, еврейский анекдот: «Дочка спрашивает у матери: — Мама, кто такой Карл Маркс? — Та отвечает: — Это был такой экономист. — Как наша теть Фира? — Нет, теть Фира — старший экономист». Мое пожелание юбиляру: оставаться Марксом в своем освоенном культурно-историческом пространстве и не соблазняться служебными достоинствами тети Фиры. И завершить, наконец, свой главный труд — научную биографию Велимира Хлебникова, главы из которой уже начинают доходить до читателя.

Литература

1. Авангард и остальное: Сборник статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса. М.: Три квадрата, 2013. 798 с.
2. Александр Блок: Новые материалы и исследования: в 5 кн. / под ред. И.С. Зильберштейна, Л.М. Розенблум. М.: Наука, 1982. Кн. 3. 862 с.
3. Владимир Федорович Марков: первооткрыватель и романтик. К 50-летию издания книги «Russian Futurism: A History». Материалы и исследования / сост. А.В. Крусанов, Н.Г. Фиртич. СПб.: Аполлон, 2019. 687 с.
4. *Зайцев Б.* Собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 11: Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников. 508 с.
5. Зарубежные славяне и русская культура / отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Наука, 1978. 262 с.
6. *Катанян В.А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности / вступ. ст. А. Парниса, В. Шкловского. 5-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1985. 647 с.
7. *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Сов. писатель, 1989. 720 с.
8. Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования, 1911–1998 / под общ. ред. А.Е. Парниса. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.
9. *Парнис А.Е.* В. Хлебников в революционном Гиляне (новые материалы) // Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 156–164.
10. *Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник: 1983. Л.: Наука, 1985. С. 160–257.
11. *Хлебников В.* Творения / сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева, А.Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. 736 с.
12. *Якобсон Р.* Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

Research Article

“A Familiar Khlebnikov Specialist in Kiev.” For the 85th Jubilee of A.E. Parnis

© 2023. Alexander V. Lavrov

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is dedicated to the anniversary of Alexander E. Parnis, who is known as a foremost researcher of Velimir Khlebnikov’s works, Russian futurism and Russian literature of the early 20th century overall. The author of the article marks main landmarks of the creative biography of the scholar, evaluates his most significant works and shows their importance for modern history of Russian literature. The text includes some personal memoirs by the author who has been on close friendly terms with A. Parnis for many years. The work of the scholar is not only an overcoming of the resisting material, which, thanks to his efforts, becomes a transformation of the hidden into the open, of the unknown into the knowable, but also, to a certain extent, an overcoming of himself. The main wish to the “hero of the day” is to complete his main work, i. e. the scientific biography of Velimir Khlebnikov, chapters from which are already beginning to reach the reader.

Keywords: A.E. Parnis, Velimir Khlebnikov, Cubo-Futurism, Russian avant-garde, source studies.

Information about the author: Alexander V. Lavrov — Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Department of New Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com

For citation: Lavrov, A.V. “‘A Familiar Khlebnikov Specialist in Kiev.’ For the 85th Jubilee of A.E. Parnis.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 246–257. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-246-257>

References

1. *Avant-garde i ostal'noe: Sbornik statei k 75-letiiu Aleksandra Efimovicha Parnisa [Avant-garde and the Rest: A Collection of Articles for the 75th Anniversary of Alexander Efimovich Parnis]*. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2013. 798 p. (In Russ.)
2. Zil'bershtein, I.S., and L.M. Rozenblium, editors. *Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia: v 4 kn. [Alexander Blok: New Materials and Research: in 4 vols.]*, vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1982. 862 p. (In Russ.)
3. *Vladimir Fedorovich Markov: pervootkryvatel' i romantik. K 50-letiiu izdaniia knigi "Russian Futurism: A History." Materialy i issledovaniia [Vladimir Fedorovich Markov: Discoverer and Romantic. On the 50th Anniversary of the Publication of the Book "Russian*

Futurism: A History.” *Materials and Research*], comp. by A.V. Krusanov, N.G. Firtich. St. Petersburg, Apollon Publ., 2019. 687 p. (In Russ.)

4. Zaitsev, B. *Sobranie sochinenii: v 11 t.* [Collected Works: in 11 vols.], vol. 11: Pis'ma 1923–1971 gg. Stat'i. Vospominaniia sovremennikov [Letters of 1923–1971. Articles. Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2001. 508 p. (In Russ.)

5. Alekseev, M.P., editor. *Zarubezhnye slaviane i russkaia kul'tura* [Foreign Slavs and Russian Culture]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 262 p. (In Russ.)

6. Katanian, V.A. *Maiakovskii: Khronika zhizni i deiatel'nosti* [Mayakovsky: The Chronicle of Life and Activity], introd. articles by A. Parnis, V. Shklovskii. 5th ed. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 647 p. (In Russ.)

7. Livshits, B. *Polutoraglazyi strelets: Stikhotvoreniia, perevody, vospominaniia* [Half-eyed Sagittarius: Poems, Translations, Memoirs]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 720 p. (In Russ.)

8. Parnis, A.E., editor. *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniia, 1911–1998* [The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Research, 1911–1998]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 880 p. (In Russ.)

9. Parnis, A.E. “V. Khlebnikov v revoliutsionnom Giliane (novye materialy)” [“V. Khlebnikov in Revolutionary Gilan (New Materials)”]. *Narody Azii i Afriki*, no. 5, 1967, pp. 156–164. (In Russ.)

10. Parnis, A.E., and R.D. Timenchik. “Programmy ‘Brodiachei sobaki’.” [“Programs of ‘The Stray Dog’.”]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: Ezhegodnik: 1983* [Monuments of Culture. New Discoveries: Yearbook: 1983]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 160–257. (In Russ.)

11. Khlebnikov, V. *Tvoreniia* [Creations], comp., text prep. and comm. by V.P. Grigor'ev and A.E. Parnis. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 736 p. (In Russ.)

12. Iakobson, R. *Raboty po poetike* [Works on Poetics], comp. and ed. by M.L. Gasparov. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.03.2023

Одобрена после рецензирования: 10.03.2023

Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 01.03.2023

Approved after reviewing: 10.03.2023

Date of publication: 25.03.2023